

**РУЗАН ЛАЗАРЕВНА
САРЬЯН**

*Филолог,
директор Дома-музея М. С. Сарьяна*

*/Лазарь Сарьян и его время., составитель
Аракс Сарьян., Ер.: Арчеш., 2001.*

Мазарь Мартиросович Сарьян — человек мужественный, волевой, ответственный, честный, терпеливый, добрый, скромный, немного замкнутый. От своего отца, Мартироса Сарьяна, наряду с величайшей любовью к природе и человеку, он унаследо-

прошло мое детство, здесь я училась у своего отца чувствовать, видеть и слышать красоту окружающего мира, восторгаться природой и растворяться в ней настолько, чтоб ощущать себя ее неотъемлемой частицей. Мы совершали героические восхождения на вершины близлежащих гор, пили самую вкусную на свете родниковую воду из бьющего прямо из-под земли источника, любовались неожиданно открывающимися панорамами, вдыхали насыщенный чабрецом и мятой аромат земли, следили за величественным полетом орла над ущельем. Папа всегда находил что-то удивительно красивое. Помню, как-то он показал мне огромное дерево. Его корни, оголенные у ствола, словно руками обхватывали островок прекрасных фиалок, которые на фоне чернозема казались настоящим чудом, смотрящим на нас множеством ласковых нежных глаз. Папа хорошо знал грибные места и, в зависимости от сезона, безошибочно вел туда, где росли грибы: белые, лисички, маслята или рыжики, ему нравился сам процесс поиска и собирания грибов, он наслаждался их цветом, ароматом, формой.

ПАПА - КАК МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ...

вал любовь к искусству как величайшему проявлению человеческого духа. И отец уважал в сыне творческую личность, внимательно и бережно относился к его таланту. Отношения между ними были удивительно трогательными. Казалось, они понимают друг друга с полуслова.

Помню, как радостно приветствовал Мартирос Сергеевич сына, когда тот возвращался с работы: “Зарик джан!” В этом возгласе было все: и любовь, и нежность, и восторг.

Лазарь, как никто другой, понимал и ценил творчество своего отца. То, как озвучил он таящуюся в живописи Сарьяна музыку триптиха “Панно”, свидетельствует о духовной близости двух творческих людей, о схожести их мировосприятия и жизненных позиций. Главный принцип, которому они оба следовали в творчестве, был принцип жизни-утверждения.

Трудно писать о человеке, ставшем частью твоего существа и значившем для тебя так много. Трудно и потому, что боль утраты еще слишком велика.

Но я попробую своими воспоминаниями о папе дополнить тот портрет, который создается из всего написанного о нем в этой книге.

Папа — как много в этом слове!

Самые добрые, яркие и светлые воспоминания у меня связаны с Домом творчества композиторов в Дилижане, куда папа возил меня на все каникулы и праздники. Здесь, в этом райском уголке Армении,

Цветами же он предпочитал любоваться в лесах и полях среди зелени и деревьев, нежели дома, в какой-нибудь кустарной вазе. Когда мы гуляли в лесу, он иногда останавливался, поднимал вверх указательный палец и прислушивался к трелям соловья. Случалось, что птицы своим пением так его раззадоривали, что он начинал с ними пересвистываться, и они отвечали ему, приняв его за своего. Мы возвращались домой в приподнятом настроении, уставшие, но счастливые. А перед сном совершали большой круг по всей территории Дома творчества в сопровождении симпатичных местных собак. И было совсем не страшно, когда из окружающих лесов доносился вой волков или уханье филинов. Над нами было опрокинуто бездонное звездное небо, полное тайн притягательное пространство Космоса. Благодаря кристальночистому воздуху, звезды над Дилижаном казались особенно яркими и крупными. Папа рассказывал мне о планетах, созвездиях и отдаленных галактиках, выражая мысль о том, что Земля вряд ли единственная колыбель жизни во Вселенной, и недалек тот день, когда ученые обнаружат новые проявления жизни или даже существование других цивилизаций.

В детстве у меня было хобби — коллекционирование бабочек. Интерес к этому занятию у меня возник в 1967 году, когда я с бабушкой и дедушкой отдыхала на Севане. К нам на балкон залетали удивительной красоты мотыльки и бабочки, и мы с дедом подолгу их рассматривали, любуясь окраской,

узорами и формой крыльев. Мне было жаль, что они живут так мало, и желание сохранить их мимолетную красоту навело меня на мысль о коллекционировании. Поначалу я не знала всех правил этого искусного дела, и бабочки в моей коллекции выглядели очень невзрачно. И тогда папа решил мне помочь. Он повел меня в дом Аро Степаняна и показал настоящую профессионально собранную композитором коллекцию бабочек. Затем папа смастерил для меня мой первый настоящий сачок, и мы охотились с ним вместе в полях и лесах Дилижана. Я узнала массу интересных подробностей из жизни насекомых, изучила множество мотыльков и бабочек. У нас с папой был даже справочник по насекомым, обитающим на территории СССР, подаренный Рубеном Арутюняном. Гордостью нашей коллекции был бражник Мертвая голова. За этой бабочкой папа специально поехал в Дилижан, когда ему позвонила бухгалтер ДТК и сообщила, что в контору залетело нечто необычное, и что это нечто удалось закрыть в тумбочке. Как оказалось, это был бражник, гроза картофельных полей. Животик – толстый бархатный, с желто-синими узорами, а на черной голове у него зловеще вырисовывался белый человеческий череп, за что он и получил свое название “Мертвая голова”. Вторым экземпляром, которым мы могли гордиться, была самая крупная бабочка европейской фауны Грушевый ночной павлиний глаз, размах крыльев которой достигал 15 см. Когда папа уезжал на гастроли в Южную Америку, я попросила его привезти мне в подарок знаменитую красавицу тропических лесов – Переливницу, и он любезно выполнил мою просьбу. Наше с папой увлечение бабочками длилось почти семь лет.

Папа очень трогательно относился к животным. Помню, мы жили с ним в коттедже, расположенном прямо в лесу. Папа всегда вставал рано, делал зарядку, работал. Как-то раз он рассказал мне, что каждое утро извлекает из ванны мышку. Я попросила показать мне ее и обещала, что визжать не буду. На следующее утро, когда мы вошли в ванную комнату, я увидела в ванне очаровательную мышку с малюсеньким хвостиком и большими ушами. Она сидела на задних лапках, обнюхивая воздух, и смотрела на нас черными бусинками глаз. Папа опустил руку в ванну, и она совершенно спокойно вспрыгнула в его ладонь. Мы угостили ее сыром и выпустили в коридор, где у нее была норка. Каждый день папа доставал ее из ванны, и это длилось до нашего отъезда. Когда настало время уезжать, он заволновался. Ведь мышку совсем ручная, не боится людей, а люди разные, и первые же приехавшие жильцы расправятся с ней. Стояла холодная, снежная зима. Папа выкопал на солнечном склоне горы глубокую норку, насыпал в нее зерна и выпустил туда мышку. Не знаю, что она подумала, но жизнь ее была спасена.

Папа приобщил меня к книгам и литературе. Никогда не забуду, как он читал мне книжку “Малыш и Карлсон”, когда я болела корью. Он лечил меня положительными эмоциями. Читал он удивительно,

как настоящий артист. Я слушала его как завороченная. Когда книга была прочитана, папа начал сочинять свои собственные истории о Карлсоне, и у него здорово получалось. Спустя годы я перечитывала эту книгу своим детям и не нашла в ней многих смешных и интересных историй, которые запомнились мне в детстве.

В возрасте от 8 до 10 лет я читала не очень-то бегло, и меня пугали толстые книги. Папа помог мне преодолеть этот барьер. На каникулах в Дилижане он читал мне вслух такие замечательные книги, как “Приключения Тома Сойера”, “Таинственный остров”, “20000 лье под водой”, “Дети капитана Гранта”. Это доставляло ему большое удовольствие, не говоря уже обо мне. Казалось, он возвращался в мир своего детства и хотел познакомить меня со своими любимыми героями. Читал он с таким увлечением и задором, будто впервые. Он выработал особую тактику стимулирования моего чтения — останавливался на самом интересном месте, чтобы меня заинтриговать, и это срабатывало. Я брала книгу и читала дальше, одну главу за другой. Так мы с папой преодолевали один роман за другим, и я чувствовала себя такой счастливой, мысленно путешествуя вместе с ним по морям и океанам на Наутилусе капитана Немо, совершая героический, переход через Кордильеры с Паганелем и его друзьями, преодолевая трудности и опасности вместе с Сайрусом Смитом и его командой. До сих пор, когда я вижу разноцветные обложки томов из серии “Библиотека приключений”, меня охватывает чувство радости и благодарности за часы, проведенные с папой за чтением.

Я всегда восхищалась папиной эрудицией и безупречным художественным вкусом. Он много читал и очень хорошо разбирался в литературе. Обсуждать с ним то или иное произведение было для меня величайшим удовольствием. В начале восьмидесятих годов вышло в свет несколько интересных романов, среди них: “И дольше века длится день” и “Плаха” Чингиза Айтматова, “У последней черты” Пикуля, “Дети Арбата” Рыбакова, “Сто лет одиночества” и “Осень патриарха” Гарсия Маркеса. Прочитав каждый из них, я спешила поделиться впечатлениями с папой, и меня всегда поражало то, как тонко он подмечает особенности стиля, воспринимает богатство и красочность языка того или иного писателя.

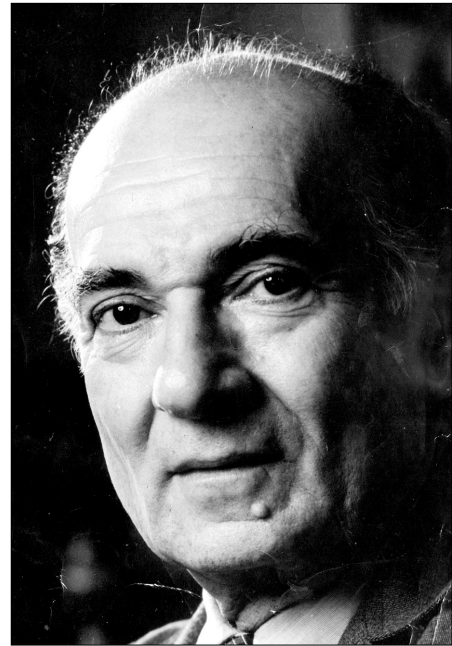
В повседневной жизни папа был немногословен, но если тема беседы была ему интересна, то никто не мог сравниться с ним в красноречии и умении рассказывать.

В 1975 году исполнялось 30-летие победы в Великой Отечественной войне. Майские праздники мы с папой, как всегда, проводили в Дилижане. Он готовился лететь в Киев на встречу с однополчанами и очень волновался. Это особенно чувствовалось в его дрожащем голосе, когда, сидя за инструментом, он пел песни военных лет. Мне особенно запомнилась песня на стихи К. Симонова “Темная ночь”.

Папа не любил говорить о войне, но в такие дни

Рузан Сарьян с отцом
1962 г.

Лазарь Мартиросович
1995 г.

давал волю воспоминаниям. Он рассказал, как однажды над его зенитно-пулеметным расчетом, охранявшим стратегически важный мост под Воронежем, внезапно, среди ясного неба, появился вражеский самолет. Отец только закончил чистить свой пулемет. Не растерявшись, он навел орудие на движущуюся прямо на него машину и подбил ее. За свой подвиг он был награжден медалью «За отвагу». Когда же в 1944 году, на Всесоюзном смотре самодеятельности в Москве, агитбригада под его руководством получила первую премию из рук самого Дунаевского, он был награжден орденом «Красной Звезды». И тогда Лазарь Сарьян решил, что музыка — его призвание, и посвятил ей всю свою жизнь.

Папа был очень аккуратным и дисциплинированным человеком. На его рабочем столе всегда царил безупречный порядок, каждая вещь в его комнате лежала на своем месте. Эта черта характера отразилась и в его рукописях. Не случайно, что издатели Трех постлюдий для фортепиано решили издать факсимиле рукописного клавира папы, посчитав, что он ничем не уступает типографскому набору.

Почти все свое время и силы папа отдавал консерватории. Создание Скрипичного концерта и Первой симфонии явилось результатом огромного физического и душевного напряжения. Творчество и ректорство в консерватории становились все более несовместимыми. Наконец, в 1987 году отец решает эту дилемму в пользу творчества. 26 лет было отдано воспитанию нескольких поколений замечательных композиторов и исполнителей, ставших гордостью музыкальной культуры Армении.

Три ректора сменили друг друга за последние десять лет. Все эти годы Лазарь Мартиросович возглавлял кафедру композиции и продолжал свою

педагогическую деятельность. Как его любили и почитали студенты! Он уже при жизни стал для них живой легендой.

Сбросив с себя бремя административной ответственности, папа пережил новый творческий подъем. Написал Квартет и Виолончельную сонату, думал приступить к созданию Второй симфонии. Наступил злосчастный 1988 год. На нашу страну обрушились всевозможные бедствия. Казалось, хуже не может быть, но это было только начало. Внешнее спокойствие папы было обманчивым. Он воспринимал происходящее вокруг оголенными нервами. Результатом его тревожных раздумий становятся Три постлюдии для фортепиано, прозвучавшие в исполнении дочери — Лусик.

Все тяготы жизни папа переживал молча, сдержанно, оказывая помощь и поддержку окружающим. Но случилось то, что сломало и его. Страшное горе — трагическая, нелепая гибель любимой дочери Лусик. Можно было только поражаться тому, как папа, мобилизовав всю свою волю, все свои силы, помогал супруге Аракси и дочери Софье встать на ноги после аварии. Тяжелый удар судьбы они пережили мужественно и достойно.

Прошло какое-то время, и папа написал свое лучшее произведение последних лет — «Пассакалью» и посвятил ее памяти Лусик. В 1995 году она прозвучала в исполнении Филармонического оркестра Армении под руководством Л. Чкнаворяна в прославленном своим утонченным слушателем городе на границе Франции и Германии — в Метце. Это был настоящий триумф. Но двадцатиминутная овация не могла заглушить боль души композитора, она ушла вглубь, затаилась и вскоре привела к неизлечимой болезни.

Отец сражался с ней с присущим ему мужеством и, казалось, он победит. Болезнь отступила и

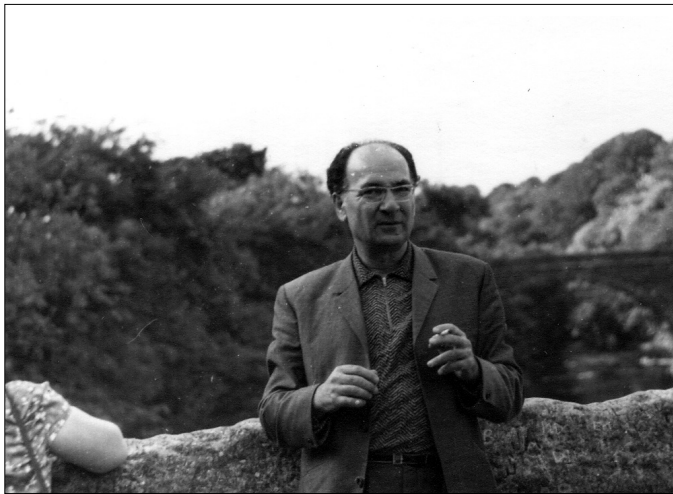
дала ему небольшую передышку. Папа вернулся к полнокровной жизни, радовался рождению внука от младшей дочери Софьи, начал работать, написал полное оптимизма и веры произведение – “*Andante & Presto*” для скрипки и камерного оркестра. И снова — резкое ухудшение здоровья. Когда я приехала из Москвы, чтобы встретиться с ним 1998 год, он мне сказал: “Рузаночка, второй раз чуда не будет”.

Уже прикованный к постели, папа мечтал осуществить замысел Второй симфонии. Он был согласен провести остаток жизни в инвалидном крес-

ле, но иметь возможность писать музыку. Увы, судьба распорядилась иначе, и он не смог утолить свою жажду творчества...

Лазарь Сарьян был редким человеком. Общаться с ним, учиться у него, просто жить рядом было величайшим счастьем.

Я горжусь своим отцом. Он навсегда останется для меня путеводной звездой, человеком, посвятившим всю свою жизнь борьбе за самое доброе и светлое в этой непростой, суровой жизни.

Лазарь Мартиросович Сарьян
Англия,
1968 г.

Лазарь Мартиросович Сарьян
с сыном Рубеном,
Ереван,
1967 г.

Երաժշտական ՅԱՅԱՍՏԱՆ 4(39)2010

Ամփոփում

Ղ. Սարյանի դուստրը՝ լեզվաբան, Մ. Սարյանի տուն թանգարանի տնօրեն՝ Ռուզան Ղազարուհի Սարյանի «Հայր՝ որքան իմաստ կա այդ բառում»: **Հուշապատում** հոդվածում ներկայանում է Ղ. Սարյանի՝ հայրը դասեր սիրող զգացումներում: Կերպարն հառնում է դասեր մտապատկերում որպես կամային, նվիրված, պատասխանատու, ազնիվ, բարի, համեստ մարդ: Նկարագրում է Ղ. Մ. Սարյանին նաև որդիական փոխհարաբերություններում իր հոր հետ, թե ինչպես էր Մեծ նկարիչը որդուն սիրում և ընկալում: Հեղինակը շարադրում է հոդվածը կենդանի լեզվով ամբողջական պատկերացում ստեղծում ընտանիքում տիրող համերաշխ, գնահատող, իրատեսական, սիրո մթնոլորտը:

Summary

L. Saryan's daughter, linguist, M. Saryan's House Museum Director Ruzanna Lazar Saryan's article presents L. Saryan: father in daughter's love feelings, in article "Father, how much sense is in that word". The character rises in daughter's fancy as a willing, dedicated, responsible, honest, kind and modest man. Describes K. M. Saryan in as a son relations with his father, how the big painter loves and understands his son. The author recounts the article in a live language creating a complete idea about serene, appraising, realistic, lovely atmosphere of the family.